

ликов, участие в чужих религиозных практиках, рост доверия к государству, наличие совместных мероприятий, переключение культурного кода), а с другой стороны, это тенденции изоляции, характерные для закрытых групп (строгое ограничение религиозных и брачных практик, отсутствие знания языка, отсутствие интеркультурной коммуникации, слабо развитое чувство принадлежности к государству, наличие сепаратистских склонностей). Те же тенденции вовлеченности и изоляции наблюдаются и в социальных настроениях каждого из меньшинств: одна группа воспринимается как более надежная и приемлемая для соседства по сравнению с другими, и наоборот. Очевидно, что там, где происходит повседневный межличностный контакт, межкультурный диалог осуществляется гораздо проще и успешнее. Проживание по соседству сблизило разные группы, помогло узнать культуру друг друга и накопить опыт эффективной коммуникации.

Потенциальные возможности интеграции той или иной этнической группы имеют большое значение в стратегии государства. В соответствии с этим должна быть выработана отдельная политика для каждой группы, особенно для тех из них, в которых преобладает тенденция изоляции. Эта политика должна быть направлена прежде всего на молодое поколение как на главную опору гражданской интеграции. Несмотря на то что этнические меньшинства в Квемо Картли пока еще не интегрированы полностью в грузинское государственное пространство, положительная динамика межкультурного диалога очевидна.

Р.А. Джалил-Ходжа

ПАСХА В ПОКРОВСКОМ ХРАМЕ СТАНИЦЫ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКАЯ В 2013 г.

О христианстве в Ингушетии напоминает немного: христианский храм Тхаба-Ерды в Джейрахе [Казарян, Белецкий 2009] и Покровский храм в станице Орджоникидзевская.

Первую попытку миссионерства в Ингушетии предприняла Византия (XI–XII века), затем Грузия (XII–XIII века) и Рос-

сийская империя (XVIII в.) [Крупнов 1971: 196]. Так, успешное влияние Грузии на процесс христианизации ингушей отмечено в период правления царицы Тамары. В период позднего средневековья укрепляются русско-ингушские связи. Царская власть в течение XVIII в. и первой половины XIX в. не раз пыталась ввести христианство среди ингушей [Мартиросян 1996: 330]. С середины и до конца XVIII в. христианство поддерживалось грузинскими, а позднее и русскими священниками из Осетинской духовной комиссии.

Исторически русское население компактно проживало на территории Сунженского района в станицах Слепцовская, Нестеровская, Троицкая и частично на территории Малгобекского района в станице Вознесенской. По данным переписи 1989 г., доля русского населения в Чечено-Ингушской АССР составляла около 23 %. По переписи 2002 г., в Ингушетии русских около 1,2 %, сейчас их около 3500 чел., это менее 1 %.

В 1912 г. в Ингушетии была построена старообрядческая церковь (белокриницкого согласия) с точным адресом на 1917 г.: Терская область, Сунженское отд., стан. Слепцовская. В 1930-х годах она была разрушена, а затем, после Великой Отечественной войны была воссоздана уже православной в казацкой хате и получила название Покровская церковь, войдя в Магасский Благочиннический округ, в 1990-х годах ее обложили кирпичом. В 2012 г. здание было демонтировано в связи с окончанием строительства нового храма, на месте старого алтаря воздвигнут крест из черного мрамора. Новый храм был торжественно открыт 9 июня 2012 г. в день празднования 20-летия республики Ингушетия и освящен чином малого освящения.

14 октября 2012 г. в праздник Покрова пресвятой Богородицы Архиепископ Владикавказский и Махачкалинский Зосима совершил чин Великого освящения Покровского храма, и это стало первым освящением храма за последние 60 лет. Современный адрес: Республика Ингушетия, Сунженский район, стан. Орджоникидзевская (ул. Пионерская, 24). При храме есть пекарня, трапезная, крестильная, маленькая гостиница для паломников. Звонарь в обычные дни — молоденькая прихожанка, в праздники присылают звонаря из Владикавказа.

Почти 40 лет (до 1999 г.) настоятелем станичного Покровского прихода был протоиерей Петр Сухонос. В 1999 г. его похитили и убили. В 2000 г. сюда был прислан игумен Варлаам, ныне епископ Махачкалинский и Грозненский. Он служил здесь до 2011 г., его сменил протоиерей Сергей Мальцев, благочинный Магасского округа (в него входит вся Ингушетия). В 2013 г. настоятелем Покровского храма стал 25-летний иерей Александр Бочаров.

В Ингушетии и в Чечне есть такая особенность: говоря «русские», всегда подразумевают «православные», несмотря на то что часть русского населения (женщины, вышедшие замуж за ингушей) перешли в мусульманскую веру. Русский и православный здесь слова-синонимы.

Я приехала в новую Покровскую церковь в станице Орджоникидзевская в страстную субботу, 4 мая 2013 г. и встретила здесь Пасху. По рассказам бабушек, которых положено называть «информантами», но отчего-то не хочется, раньше прибираться на церковном дворе перед Пасхой было почетно, допускались лишь избранные. Сейчас здесь трудились сам отец Александр (он стриг газон), четырнадцатилетняя Настя и еще два-три человека. Рабочих рук не хватало, мне было поручено вымыть пол под большим навесом во дворе.

После 22 часов стали собираться прихожане. Для их доставки из станиц Нестеровская и Троицкая были организованы «Газели», некоторые добирались на своих автомобилях. Прихожан было не более 40 человек — старушки, проживающие в Слепцовске, два человека из станицы Нестеровская, несколько человек из станицы Троицкая, три военнослужащих, два цыгана, одна семья приехала из Ставрополя, одна из Москвы, одна из Курска. В церковном дворе были выставлены в ряд столы, на которые прихожане ставили пасхальные угощения для освящения: куличи, крашеные яйца, сыр, масло, овощи, фрукты, зеленый лук, цветы, пирожки и крупные куски вареной говядины (это уже в местной ингушской традиции). Была и корейка, специально привезенная гостями, поскольку свинину в Ингушетии купить невозможно. Традиционной сырной Пасхи на столе не было, а куличи доставили из соседней Осетии, так как пекарня при храме пока не работает: нет пекарей, и на стене висит приглашение на работу в пекарню.

Живых цветов, которыми украшают церкви на Пасху в России, в Покровском храме не было. Пасхальная служба началась около 12 часов ночи и продолжалась до 4 утра. Национальный состав был следующий: русские (большинство), украинцы, грузины, молдаване, цыгане, корейцы, трое назвали себя казаками, один из них имел знаки отличия казачьего полковника.

Возрастной состав различен: присутствовала и молодежь, и люди среднего возраста, и старики, и дети. Из присутствовавших 40 человек примерно треть приехали из других регионов. К особенностям одежды можно отнести способ повязывания платка у женщин: молодые женщины повязывают его как ингушки сзади, старые женщины повязывают традиционно под подбородком. Женщин в длинных, в пол, юбках, не было ни одной, в основном юбки имели длину по колено. Предпочтений в цвете не наблюдалось. Одежда мужчин не отличалась от повседневной.

Православная церковь пользуется особым вниманием главы Республики Ингушетия Юнусбека Евкурова. И в Пасху он не обошел ее вниманием, приехал в храм, произнес поздравительную речь, вручил подарки и ответил на вопросы прихожан, окруживших его кольцом. В кольце была и сама Покровская церковь — оцепление на соседних улицах, машины с военными, усиленная охрана полицией. Опасения властей небезосновательны: в 2010 г. строящуюся церковь обстреляли из гранатомета. Ежедневная и праздничная жизнь под охраной вооруженных людей, большая комната для охраны являют специфику православной жизни в Ингушетии.

Особые условия существования русского православного населения в Ингушетии вызывают внимание журналистов и общественных деятелей, на Пасхе в Слепцовской присутствовал помощник депутата Госдумы из Москвы, журналисты некоторых известных интернет-изданий, местное телевидение.

На центральной площади Слепцовска власти организовали пасхальные гуляния, были накрыты столы и приглашены артисты, клоун. Алкоголя на столе не было, стол был сладким: конфеты, печенье, лимонад, минеральная вода, фрукты. Я много фотографировала: ингушские мальчишки-мусульмане с цветными яйцами в руках, девушка-ингушка с пасхальным куличом, молодая мама,

кормящая малыша сырной пасхой, которую привезли на пасхальный праздник в Слепцовск из Ставрополя — все они составляли местный колорит этого светлого христианского праздника.

Отношения к Пасхе ингушей, жителей Слепцовска, доброжелательное. 24 женщины-информанта сообщили о своем положительном отношении к Пасхе как к празднику. Некоторые уточнили, что для них имеет большее значение праздник Рождества Христова. Смысл Пасхи как праздника не смог объяснить никто из мусульман. Информанты-христиане объяснили смысл праздника как символа возрождения к новой жизни (семь человек), бессмертия души (три человека). Десять информантов сообщили, что посещение храма в Пасху в настоящее время не представляет для них опасности, но все равно вызывает чувство тревоги. Три информанта категорически отказались отвечать на какие-либо вопросы.

Информанты старше 30 лет вспоминали, каким значимым была «русская Пасха» в советские годы, как русские ставили пасхальные столы «До самого рынка» (это метров на 500). Весна 2013 г. выдалась холодной, и ингуши говорили мне: «Ничего, после русской Пасхи обязательно наступит тепло».

Несмотря на то что доля русского православного населения в Ингушетии сократилась до 1 % [<http://perepis-2010.ru> (на 06.05.2013)], позиция власти в Ингушетии способствует формированию толерантного отношения к русскому населению. Особое внимание, которое уделяет президент Ингушетии Юнусбек Евкуров церкви и поддержке русского населения, благоприятно сказывается на их положении в ингушском обществе.

Пасха в Ингушетии праздновалась в условиях усиленной охраны. В этом чувствовалась некоторая напряженность, однако несмотря на нее, православные христиане продолжали духовную традицию встречи этот светлого праздника под сводами храма.

Библиография

Казарян А., Белецкий Д. Тхаба-Ерды: к вопросу о датировке церкви и ее месте в средневековом зодчестве Кавказа // Вестник Археологического центра при министерстве культуры Республики Ингушетия. Назрань, 2009. Вып. 3.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.
Мартirosян Г.К. Нагорная Ингушетия. Социально-экономический очерк // Ингуши. Саратов, 1996.

В.А. Дмитриев

ПРИЕМЫ АУТОПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ: «ДОМАШНИЕ МУЗЕИ» ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Причерноморье мы рассматриваем как обширный (от устья Кубани до государственной границы РФ) поликультурный регион, в целом с инновационной культурой, сформировавшейся в постколониционный период (конец XIX — вторая половина XX в.) на базе взаимодействия этнических групп переселенческого и аборигенного населения (черноморские адыги-шапсуги). В рамках Причерноморья каждая из групп практикует самодостаточное этническое поведение, характерное для малочисленных этносов. Исключение представляют русские с их общегосударственным мышлением, но и у них можно отметить начальные проявления субэтнического сознания. Образ жизни всех определяется в основном урбанистическими нормами мегаполисной периферии с ее своеобразным отношением к контексту природного окружения.

Важной частью группового самосознания является рефлексия по поводу своего места в структуре Краснодарского края (собственно Прикубанья) и Причерноморья и окружающих объектов природы и истории Северо-Западного Кавказа. Частью данной рефлексии является ощущение ограниченности объектного наследия собственной этнической культуры, вследствие чего спонтанно вырабатывается повышенная оценка любого предмета, которому может быть дана этническая оценка.

Сельская часть Причерноморья характеризуется неполной освоения природного пространства, сжатым экологическим окружением, связанным с запустением нагорной полосы Причерноморья после Кавказской войны XIX в. Полоса запустения находится предельно близко к окраинам городов и поселков сельской местности курортной зоны. При этом она насыщена историчес-